

Александрова С.С. РАЗЛИЧИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Специфика переживаемого нашей страной и всем цивилизованным миром периода глобального экологического, экономического и социального кризиса такова, что притягательность проблемы сущности человека в истории общества необычайно актуализирована. В зависимости от трактовки сущности человека и его места в мире создаются разные теории исторического процесса, политические и экономические доктрины, предопределяется выбор социального идеала, перспективы общественного развития.

Неоднородные последствия техногенных воззрений и подходов, резкое изменение расстановки сил на международной арене, нарастающее национальное и расовое противостояние, изменение образа жизни людей выдвигают на первый план теоретические проблемы, связанные с сущностным изменением человека в различные исторические эпохи, с судьбами человечества, наиболее вероятными направлениями его развития, с прошлым возникновением культур, религий, социальных систем и, наконец, с самим смыслом существования общества.

Техногенная цивилизация западного образца пренебрегает человеческой сутью не в силу преднамеренных козней, а в силу своего собственного устройства и закономерностей исторического развития. Нужно понять и осмыслить объективные причины, которые привели современного человека к такому его положению.

В современной литературе появилось синтетическое определение совокупности внутренних качеств человека – «менталитет».

Американский философ Р. Эмерсон (1856) вводит термин «менталитет» в значении души как первоисточника ценностей и истин. Ментальность первобытных народов изучалась К. Леви-Брюлем (1857–1939). Французская историческая школа «Анналов» связывала с этим понятием поиск фундаментальных и глубинных установок сознания. Вероятно, понятия «мировосприятие», «мироощущение», «стереотипы мышления» ближе передают смысл данного термина.

Уже многозначность латинского слова *mens, mentis* – ум, мышление, рассудок, образ мыслей, душевный склад и т.д. позволяет его широкое толкование.

Некоторые исследователи видят в нем преимущественно фрейдовское бессознательное, другие – рациональное, третьи – национальное, четвертые – культурное явление. Но понимание менталитета как системы сближает все эти подходы.

Менталитет – это некая интегральная характеристика людей, живущих в отдельной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него.

Говоря о Западе, мы чаще всего имеем в виду культуру, философию и мировоззренческую систему средиземноморского региона, антично-христианский мир, а говоря о Востоке – культуру и мировоззренческие системы буддийско-даосско-конфуцианского мира (Китай, Японию, Индию).

Европейскому человеку, с его самостоятельностью, свободой, личной интерпретацией своего поведения, норм отношений развитие китайской цивилизации представляется как обращенное назад, движение как бы спиной к будущему. Но это движение было совсем не неправильным, оно было совсем иным, нежели развитие европейской цивилизации. По представлению Конфуция, этот путь был прям и ясен: "Династия Инь унаследовала ритуал династии Ся; то, что она отбросила, и то, что она добавила – известно. Династия Чжоу унаследовала ритуал династии Инь; то, что она отбросила, и то, что она добавила – известно. Поэтому можно знать, что будет при преемниках династии Чжоу, хотя бы и сменили друг друга сто поколений"[1, с.420].

Приоритет рода, авторитет коллективного сознания определяет размеренный порядок и не допускает волюнтаризма и случайного вмешательства индивидуальной воли. Здесь ценится не оригинальность и уникальность, но послушание и включение в раз и навсегда установленный закон жизни. В этом суть добродетели. Мудрец, учитель в Китае не пророк, не чудотворец, не наместник бога на земле – он просто транслирует волю Неба, уступает первенство государю Поднебесной империи, поскольку только император выступает гарантом исполнения жизненных принципов, поэтому безмолвное служение ему и есть служение божественному Небу.

Отношение в иерархической системе китайского общества выглядит естественным, предопределенным самой природой. Все мудрецы в Китае настаивали на желательности незыблемого порядка в ней: "Играть с явлениями мира – значит, погубить себя..."[1, с.424]. Ярчайшим свидетельством своеобразного варианта осознания процесса индивидуализации служит этико-философское учение Конфуция.

Сам Конфуций был вполне земным человеком, и мы многое достоверно знаем из его биографии. Вот как сам он описывает свой духовный путь. "В пятнадцать лет я обратил помыслы к учебе. В тридцать лет я обрел самостоятельность. В сорок лет я освободился от сомнений. В пятьдесят лет научился отличать правду от неправды. В семьдесят лет я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушать ритуала"[1, с.421].

Суть конфуцианства в том, что часть служит целому, человек государству, так что ни в коем случае он не может рассматриваться сам по себе, вне такого служения. Тогда только все пребудут в благополучии. "Мое учение пронизано одной идеей», – говорит Конфуций, а его любимый ученик Цзэн-цзы разъясняет: "Основные принципы учителя – преданность (государю) и забота (о людях), больше ничего"[1, с.426].

Если европейская философия, исходящая из европейской традиции, начинается с изучения объекта, а индийская – с субъекта, то китайская отправной точкой ставит сам процесс. Познание – это путь (Дэ). Ес-

ли правильно идти, то придешь к цели, даже, не видя ее в начале достаточно ясно.

Такое отношение является следствием древней китайской мифологической картины мира, состоящего из Земли, Неба и Срединного царства, Поднебесной империи, Китая, являющегося местом жительства человека. Последний выступает как некий мост, соединяющий Землю и Небо, высший и низший планы. Этим подчеркивается активная роль человека в судьбах мироздания. Китайская философская традиция дополняет европейскую и индийскую, и лишь соединение всех трех придает философии всеохватность.

В шестом веке до новой эры в Китае почти одновременно оформились два религиозно-философских учения, которые по-разному решали проблему свободы. Это - Конфуцианство и Даосизм. Правильным путем Конфуций считал последовательное аристократическое воспитание, которое, в конце концов, подводит человека к идеалу "благородного мужа". Важнейшими средствами достижения этого идеала были ритуал, который служил для реализации свободы на поведенческом плане, и музыка, помогающая ее достичь на духовном плане.

Конфуций исходил из представления о ценности существующей социальной структуры и сложившихся отношений между людьми. В них он видел проявление глубочайшего мирового закона Дао. Именно поэтому изучение ритуалов было для Конфуция важнейшим способом познания.

Конфуцианский путь Неба, таким образом, начинается с укрепления земного фундамента, идет через постижение законов Неба сначала на логическом уровне, затем на более глубоком, дающем уверенные критерии истинности. Заканчивается он мистическим слиянием с законом Неба на уровне сердца и достижением на этой основе полным законом владения мировым законом Дао, выраженном в ритуале.

Представление о законе Дао и правильном пути Дэ в Даосизме резко отличаются от конфуцианских. Даосы считают, что Дао заключено не в социальных отношениях, а лежит еще глубже – в первозданной природе. Человек - лишь часть ее, и законы взаимоотношений между людьми – лишь часть всеобщего закона, всеохватного Дао. Суть его глубоко мистична и открывается не уму, а лишь только сердцу: "Смотрю на него и не вижу, поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим. Не надо стремиться узнать об источнике этого, потому что это едино"[1, с.480]. Предмет един со своей сутью, суть неотделима от предмета. Даосизм берет мир во всей его полноте и при этом обнаруживает, что жизнь и смысл ему придает пустота, в которую он погружен: "Тридцать спиц соединяются в одной ступице, но употребление колеса зависит от пустоты в ступице. Из глины делают сосуды, но употребление сосудов зависит от пустоты в них. Вот почему полезность имеющегося зависит от пустоты"[1, с.481].

Оригинальность даосского подхода состоит в том, что совершенно невыполнимое действие представляет собой недеяние. "Дао постоянно осуществляет недеяние, однако нет ничего такого, чтобы оно не делало"[2, с.221]. Способ реализации той высочайшей свободы, которая воплощается в действии как в недеянии, оказывается в Даосизме тем же, что и в совершенном познании герметизма или в идеале незаинтересованного отношения к действию в Карма-Йоге. Это отсутствие эгоистических мотивов. "Создавать и не присваивать, давать жизнь и не приводить к покорности, выращивать всех, не повелевая ими, вот что такое сокровенное Дэ"[2, с.221].

Китайское, и в особенности даосское, отношение к пути резко отличается от европейского. Последнее предусматривает правильный выбор пути, руководствуясь его целью. Даосы же намеренно выбрасывают ее из рассмотрения, стремясь лишь к совершенной реализации действия, а чрезмерная фиксация на цели препятствует этому.

В восточной мировоззренческой системе все индивидуальное принижается. Например, иероглиф жэнь складывается из следующих смысловых элементов: "человек" и цифра два. Человеческое в индивиде проявляется в общении с другими людьми; это, по мнению Конфуция, и есть человеколюбие.

Обычные житейские свойства: доброта, взаимовыручка, сочувствие, благожелательность облечены в форму всеобщего неукоснительного императива. Следование добродетели не выбор, не возможность, а обязательность, долг и никто не смеет уклониться от этого долга. Сам государь обязан исполнять долг - служить народу, управлять им согласно законам. Верх добродетели - абсолютная, неукоснительная верность государю. Верность государю неотделима от супружеской верности. Семья существует не сама по себе: она - ячейка государства и потому нерушима. В старом Китае особо образцовым женам уже при жизни воздвигали памятники и триумфальные арки.

Государственный чиновник в древнем Китае сдавал экзамен на знание догматики и ритуалов конфуцианства. «Высшей задачей чиновника – конфуцианца было не столько административное управление, сколько осуществление принципа вэнь-хуа, формируемого как "переработка человека на основе мудрого древнего слова и просвещения". Чиновник не должен проявлять свою индивидуальность, он должен не создавать, но лишь толковать готовое»[3, с.45].

В системе китайской культуры доминирует не миф, а текст, канон, слово мудрецов. Канон - это закон родового сознания, он не обсуждается, не подвергается сомнению, переработке. Он мудр и справедлив тем, что содержит в себе вселенскую космическую информацию, не придуманную, не изобретенную отдельным человеком, а несущую в себе тайну, могущественную силу, воспринимаемую, сохраняемую и передаваемую из поколения в поколение. Китайский мудрец эту информацию облакает в мир, образ мыслей и жизни совершенно другой, нежели у европейского человека. Когда же зародилось это отличие и в чем его основная причина? Мы попытаемся разобраться.

В противоположность загадочной, изолированной стране – Китаю – Древняя Греция была открытой всем течениям и ветрам территории. Возможно, в этом обстоятельстве и кроется та главная причина различного способа осмысления процесса индивидуализации. «В Древней Греции человек видит всю силу, красоту в разнообразии, в отдельности и уникальности каждого явления и себя индивид осознает отдель-

ной частью целого. В Китае же человек есть пылинка, песчинка, строительный кирпичик великого и могущественного здания государства. Афинский гражданин знает себе цену. Не случайно именно в Древней Греции человек воспринимается как "мера всех вещей"[4, с.85]. Для восточного человека важно было лишь знать свое дело и относиться к нему с любовью.

Почти в одно и то же время - на рубеже VIII и VII веков до н.э. – независимо друг от друга в Китае и Греции стали впервые чеканить монеты, появилось денежное обращение. Именно в это же время рождаются и великие мудрецы, Конфуций в Китае, Сократ в Афинах, – которые и закладывают фундамент для будущих мировоззренческих традиций Запада и Востока. В других регионах континента также происходят важные и судьбоносные процессы в духовной сфере. В Иране в это же время проповедовал загадочный Заратуштра, в Индии одновременно с Заратуштрой, или несколько ранее, проповедовал Будда – Просветленный. Все это происходило примерно 25 веков назад. Уже длительное время ищется ответ на вопрос: в чем же отличие Запада и Востока, чем порождено такое обособление и своеобразие, в чем сходство и в чем различие европейской и восточной мировоззренческих систем? Казалось бы, что и здесь и там общечеловеческий мир с одинаковыми законами развития, связями с природой, с теми же возможностями и способностями человеческого организма, дарованными ему при рождении. Человек везде подвержен болезням, он страдает и радуется, восхищается и негодует, только вот содержание этой радости и печали различно, как различна и форма их проявления.

Культура стран Запада на первый план выдвигает отдельного человека, его индивидуальность, в то время как на Востоке подчеркивается роль группы, семьи, общества. Это основополагающее отличие отчетливо проявляется во всех сферах жизнедеятельности.

«Вся история включает в себя все человечество, т.е. история есть глобальный процесс общественного развития. Каждое историческое событие и уникально, самобытно, и в то же самое время для каждого исторического события или явления можно выстроить логическую последовательность, найти объективные основания, уходящие в глубину веков»[4, с.124]. Длительный спор историков, философов, правоведов о том, что является главным и определяющим в возникновении и существовании общества и государства – сам человек или же какие-то другие факторы – являются схоластическим. Действительно, в европейском общественном устройстве при исторической закономерности осознания процесса выделения человека из рода, на первое место поставлен индивид, отдельный член общества. Напротив, на Востоке с приоритетом рода, общества, семьи, государства, сам человек играет второстепенную роль, он лишь служит цементирующим основанием, пылинкой, песчинкой, неотъемлемой частью целого.

Воплощение сущностного потенциала больших групп людей порой причудливым и очень консервативным образом отражается в архитектуре.

В Поднебесной традиционные замысловатые крыши, приподнятые по углам, покрытые яркой цветной черепицей, символизировали само Небо. Многоярусная пагода олицетворяла иерархию небес. От одной круговой галереи к другой совершался подъем "на седьмое небо" и выше. В христианском вероучении храм имел другое значение и образное оформление. Есть все основания считать, что в прямоугольную форму храма уже на заре христианства вкладывалось определенное содержание, а именно, христианский храм в рекомендациях "Апостольских Постановлений" (III века) рекомендовалось строить продолговатой формы ("подобно кораблю"). Учитывалась и прямоугольная (ящичная) форма Ноева ковчега. Храм делился на несколько частей, в ближайшую к входу часть могли входить все, передняя часть собственно святилище называлось "кораблем верных" и "святая святых", отделенная завесой часть храма - алтарь символизировала виблиемскую пещеру (пещеру Св.Гроба в Иерусалимском храме). к востоку находились помещения для "верных". Далек не всюду и не сразу такого типа храм получил полное признание. Отклонение от главной линии были в разные стороны, но основная линия, представление о христианском храме, как воплощении образа мира побеждает и становится главенствующей. Таким образом, само преобразование здания храма отражает изменение мировоззрения широких масс и преобразования связи "Я - МЫ" характерной для языческой духовной общности в связь "Я - БОГ", когда человек имеет не прямую, а опосредованную связь с родовым, трансцендентным, космическим содержанием. Вершиной воплощения христианского мировоззрения в архитектуре для европейского человека был готический стиль. А переход в новую мировоззренческую эпоху, эпоху Реформации, возникновения одномерного человека и перевод его взаимоотношений из системы "Я - БОГ" в систему "Я - ТЫ". И все это, обозначенное новыми направлениями христианского вероучения: протестантизмом, лютеранством и др. приводит к новым формам объективации сущностного потенциала как отдельного человека, так и всего общества в самых различных сферах: архитектуре, науке, искусстве.

Гордые своими точными знаниями, самолюбивые и самодостаточные европейцы, прежде с высоко смотрели на восточную мудрость, красоту, тайну, но при более пристальном рассмотрении они увидели и признали громадную духовную мощь, силу чувств, глубочайшее проникновение в структуры мироздания восточными мудрецами, самобытность человеческого общения восточного человека. Запад увидел и удивился, насколько он проигрывает, по сравнению с Востоком в приближенности к природе, в приверженности сокровищам родового сознания, в понимании Космоса, а значит знания самой сути человека, его жизни и предназначения.

Запад стал быстрыми темпами осваивать восточные языки, технологии, приобщаться к восточной религии и культуре. Это, несомненно, обогатило Запад, но это не могло в целом изменить западную мировоззренческую систему. Изменился и сам Восток, вовлеченный в мировой оборот событий, захлестнутый волной американизации, индустрией развлечений. Восток, не имеющий иммунитета западной цивилизации против техногенной системы, после сближения с Западом в военной, политической, экономической и культурной областях, пожалуй, на сегодняшний день больше проиграл, чем выиграл.

Самостоятельно Востоку уже не справиться с процессом размывания, разрушения и искажения старых

норм, принципов, традиций и правил жизни. И Запад не в состоянии решить свои глобальные проблемы. Путь видится один, чтобы найти такие способы соединения, интеграции, в которых бы сформировался новый человек с планетарным сознанием, с новой системой ценностей и мировоззренческой установкой цивилизованного землянина, который будет обладать мудростью и научными знаниями, волей и интуицией для того, чтобы преодолеть свои узкие национальные, экономические, религиозные и т.д. интересы и научиться решать проблемы других людей и нести ответственность за всю ситуацию в мире, за продолжение жизни на планете Земля.

Встреча Востока и Запада состоится обязательно. Пусть одни называют этот момент "страшным судом", другие – нравственным пробуждением, третьи – планетарным сознанием. Процесс индивидуализации и затем процесс вхождения человека в планетарное сообщество есть естественный закон природы, жизни, бытия.

Источники и литература

1. Григорьева Т.П. Дао и логос (встреча культур) /Т.П.Григорьева. – М.:Наука,1973. – 519 с.
2. Гачев Г.Д Национальные образы мира. Космопсихологос. – М.:Прогресс- Культура,1995.– 480 с.
3. Гальцева Р.А. Человек на Западе и на Востоке: философия плюрализма и приобщения к единой истине. – М.:Наука,1988. – 145 с.
4. Власова В.М. Сущность и судьба человека в истории общества. – М.: Мысль, 1999. – 191с.

Гадеев А.В.

АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ И РЕАЛЬНОСТИ

Современный прорыв в сфере научного осмысления различных общественных процессов, связанных с духовным обновлением общества, наряду со многими другими глубинными процессами вызвал огромный интерес к истории нашей страны. Многие стало достоянием гласности, одно за другим исчезают «белые пятна». И все же жажда исторической правды в нашем обществе далеко не утлена. У современного исследования и просто читателя остается много вопросов связанных с оценкой политических событий предвоенного периода, и особенно советско-германских отношений накануне войны.

С высоты десятилетий мы видим, какую огромную историческую роль сыграла антигитлеровская коалиция, освободившая человечество от фашистской угрозы. Почему же она не возникла раньше и не поборола фашизм до того, как он начал реальное осуществление своих захватнических планов?

Ответ на этот вопрос надо искать в противоборстве интересов тех держав или групп держав, которые определяли международную атмосферу того времени. Антигитлеровская коалиция с участием государств различных общественных систем возникли тогда, когда ее участники поняли общечеловеческий по своим масштабам характер фашистской угрозы, осознали общность интересов и необходимость объединения усилий для кординального решения этой глобальной проблемы.

Сделаем небольшое философское отступление. Мир, свободный от войн и кровавых конфликтов, был идеалом, проповедовавшимся лучшими умами человечества. Вспомним в данной связи хотя бы проекты «Вечного мира» И. Канта, где выдвигались возможные пути и способы утверждения нерушимых мирных взаимоотношений между народами. Вслед за ним основатель позитивизма О. Кант обосновал мысль о том, что уже в его время войны стали анахронизмом. Война, подчеркивал Конт, была необходима в доиндустриальную эпоху для принуждения ленивых и склонных к анархии людей к труду, а также создания больших государств. С наступлением индустриального общества, где богатство зависит не от завоеваний, а от научной ориентации труда, исчез военный класс, а с ним и причины воевать, примат пришел к трудовой деятельности, трудовым ценностям. Поэтому, утверждал Конт, «наступила эпоха, когда серьезные и продолжительные войны должны полностью исчезнуть у лучшей части человечества».

В этом же духе Г. Бокль, Р. У. Эмерсон, Г. Спенсер и их приверженцы полагали, что распространение принципов свободной торговли во всемирном масштабе постепенно приведет к интернациональному разделению труда и экономической специализации, что, в свою очередь, будет способствовать усилению взаимозависимости различных стран и народов и, в конечном счете, к их отказу от войны, как средству межгосударственных споров. Эта традиция нашла свое наиболее законченное выражение в идеях пацифистов, начиная с квакеров во главе с У. Пенном в XVIII веке, вплоть до участников антивоенных движений наших дней. Вспомним в данной связи, что, вступая в первую мировую войну на завершающей ее стадии, Америка в лице президента В. Вильсона провозгласила своей целью идею «спасение мира для демократии». Предполагалось, что она будет последней войной, признанной положить конец всем войнам. Однако всего лишь через двадцать лет после Версаля и известных «14 пунктов» В. Вильсона вся планета стала ареной невиданной в истории человечества, как по своим масштабам, так и по своей жестокости всемирной бойни.

Главным инициатором второй мировой войны был фашизм. Но если смотреть шире, то война вырвалась из недр общественной, международной и психологической структуры, которая сложилась в Европе и Азии в первом десятилетии века из-за абсолютизации власти личностей в государстве, в какой-то степени отказа от принципов человечности. Допускаю, что при определенных обстоятельствах осознание общности антифашистских интересов могло возникнуть значительно раньше. И не было бы тогда ни мюнхенского соглашения 1938 года, ни советско-германского договора 1939 года, а возможно, и войны вообще. Но этого не случилось. История пошла иным путем. Переделать ее не дано ни кому. Мы в состоянии лишь понять ее и сделать для себя соответствующие выводы на будущее.